

УДК 81'373.612.2

Т. А. Ященко

МЕТАФОРИЗАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В лингвистике последних десятилетий метафора осознаётся гораздо более многомерным и сложным явлением, чем представлялась ранее. Общеизвестными и общепринятыми стали положения о том, что “метафора пронизывает всю нашу жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии” [12, 387], “метафора есть результат когнитивного процесса, который сопоставляет два (или более) референта, обычно не связываемых, что ведёт к семантической концептуальной аномалии, симптомом которой обычно является определённое эмоциональное напряжение” [13, 363] и другие идеи концептуальной теории метафоры.

В постсоветском культурном пространстве особое внимание привлекает функционирование метафоры в политическом тексте (Ю. Н. Караулов, А. Н. Баранов, А. П. Чудинов, Т. Г. Скребцова, Г. Г. Почепцов, Н. Г. Озерова, И. М. Кобозева, Г. М. Яворская, Л. А. Кудрявцева и др.).

Актуальность нашего исследования заключается: 1) в исследовании процесса метафоризации отношений обусловленности; 2) в разработке методических основ работы с публицистическим текстом в иноязычной аудитории с опорой на лингвокогнитологическую теорию метафоры.

Новизна работы состоит в лингвокогнитологическом подходе ко всем отношениям обусловленности, в исследовании метафоричности выражения логических отношений, в обращении к фактам истории языка, а также в представлении новых тенденций в лингводидактическом изучении отношений обусловленности.

Основная цель статьи: обосновать целесообразность лингвокогнитологического подхода к изучению отношений обусловленности на материале метафор в публицистическом тексте.

Материалом исследования являются тексты публицистических изданий России и Украины конца XX – начала XXI века.

Отношения обусловленности (отражённые в языке логические отношения) включают: условные, причинные, следственные, целевые и уступительные. В Грамматике — 80 и Грамматике — 90 они характеризуются как такие, в которых одна ситуация “поставлена в зависимость от другой”, и сама связь между ситуациями такова, что одна из них “служит достаточным основанием для реализации другой” [18, т. II, 562]. Известны общие положения о разграничении этих отношений по их модальной характеристике: реальные (причина), нереальные или потенциальные (условие) и по временным соотношениям: план прошлого (причина), план будущего (цель). В уступительных значениях представлено недостаточное основание, и в целом в высказывании значение обусловленности взаимодействует со значением противительным.

Отношения обусловленности трактуются через понятие событийных пропозиций, объединенных логическими связями. В классической дефиниции пропозиция определяется как “модель называемого предложением “положения дел”, как объективное содержание предложения” [21, 686]. Н. Д. Арутюнова определяет пропозицию как “семантический инвариант, общий для всех членов модальной и коммуникативной парадигм предложений и производных от предложения конструкций (номинализаций)” [2, 401].

Как совершенно справедливо отмечает ряд исследователей, при отношениях обусловленности две событийные пропозиции определяются как находящиеся в отношениях обусловленности с помощью третьей – логической пропозиции, выраженной специальной скрепой, например: *Он болел и поэтому не пришёл*, где событийные пропозиции: 1. *Он болел*. 2. *Он не пришёл*. – соединены логической пропозицией в виде скрепы *и поэтому* [5, 124; 15]. Отношения обусловленности, естественно, более наглядно предстают в сложном предложении, и поэтому в дидактических целях предлагается начинать изучение учебного материала со сложного, а именно сложноподчинённого предложения, где эти отношения маркированы, тем более, что сходные конструкции знакомы учащимся на материале их родных языков. В простых предложениях одна из пропозиций представлена в “свёрнутом” виде, к тому же сама семантика и способ её выражения (прежде всего – именные причинные группы) являются национально-индивидуализированными, и это затрудняет адекватное восприятие для инофонов: *Он отсутствовал по болезни* (см. подробнее [6, 26]).

В современных работах по функциональному и коммуникативному синтаксису отношения обусловленности рассматриваются как на уровне сложного, так и на уровне простого предложения. Г. А. Золотова и Н. К. Ониненко представляют целевые, условные и уступительные отношения как модификацию причинно-следственных [8; 355-356]. Мы считаем, что для практики преподавания русского языка в иноязычной аудитории более целесообразно разграничение видов отношений обусловленности и использование теории функционально-семантического поля, что и реализовано в работах М. В. Всеволодовой и её последователей [5; 6]. М. В. Всеволодова представляет комплекс полей с общим значением обусловленности следующим образом: 1) Причинно-следственные отношения с микрополями: а) причины и следствия: *Из-за дождя опоздали*; б) логического вывода: *Опоздали — наверное, дождь задержал*; в) уступки как нарушения логических связей (“антилогизм”): *Несмотря на дождь пришли вовремя*. 2) Целевые отношения с микрополями: а) цели: *пошёл на охоту; кричал, чтобы услышали*; б) предназначённости: *деньги на книги, хлеб к обеду*. 3) Условия — с микрополями: а) кондитивности: *Если похолодает, сиди дома; В случае дождя прогулка не состоится*. б) ситуативности: *В темноте я плохо вижу. На холоде масло замерзает* [5, 78-79]. При этом делается специальная оговорка, что уступка относится к модальным, а не объективным категориям [5, 90]. Представленное описание синтаксической реализации отношений обусловленности является составной частью функционально-коммуникативной лингводидактической модели русского языка [1].

Таким образом, в грамматическом аспекте отношения обусловленности разработаны достаточно глубоко и полно. Но для современного этапа развития методики преподавания иностранных языков становится всё более насущным обращение к идеям коммуникативного анализа всех единиц и категорий языковой системы, к лингвокогнитологии [3; 11; 19], развитие идей о существовании когнитивной базы лингвокультурного сообщества, центральными компонентами которой являются прецедентные феномены, представляющие эталоны национальной культуры [7; 10].

Мы видим не только возможность, но и необходимость связывать изучение отношений обусловленности с особенностями русского языкового сознания, с образным строем языка. Как показывает опыт преподавания, для осуществления этих целей весьма полезно привлечение фактов истории языка. Так, например, при изучении условных отношений обращается внимание на то, что они представляют и “характер предпочтений русского менталитета” [9]. Ссылаясь на работы Н. Ф. Федорова, В. В. Колесов пишет: “в мире действуют не причинно-следственные, а условные связи (*то-то* есть условие *того-то*), именно поэтому все действия окрашены в морально-этические тона (“человек влияет на события своей нравственностью”) [9, 132]. Мы считаем, что условные отношения как “нравственный императив”, отражающий особенности национального менталитета, с особой выразительностью проявляются в паремииологии и афористике: *Любишь кататься — люби и саночки возить; Без труда не вынешь и рыбку из пруда; Праздность — мать пороков*. Одно из оснований для утверждения, что условные отношения важнее для русского национального сознания, чем причинно-следственные, В. В. Колесов видит в более древнем происхождении условных конструкций. Обращение к истории грамматического становления категорий обусловленности в истории русского, точнее — древнерусского, языка показывает, что они развивались в тесном взаимодействии и оформились синтаксически в XVI – XVII веках [4, 302; 23, 254-269]. Отношения гипотаксиса развивались на основе отношений паратаксиса, но при этом сложноподчинённые предложения с условным придаточным появляются значительно раньше — уже в памятниках XIII века. Как отмечает Л. П. Якубинский, условная конструкция является основным структурным элементом изложения законов и договоров. “Русская правда” с формальной стороны вся состоит из последовательной цепи условных синтаксических конструкций, что объясняется её законодательным характером. Л. П. Якубинский, сопоставляя церковнославянские условные конструкции договоров X в. с древнерусскими, приходит к заключению о “невыводимости” древнерусской конструкции из церковнославянской путём постепенного обрусения. Древнерусская конструкция не является новой, а “восходит к глубокой древности”.

Историческая связь между причинно-следственными отношениями и понятиями сходства и сравнения, исследованная А. А. Потебнёй [17], позволяет глубже осознать природу метафоры при выражении всех отношений обусловленности. Известно, что в основе метафоры лежит сравнение. Отмечая существование пространственных и временных понятий для развития причинного,

А. А. Потебня на первое место всё же ставит понятие сравнения (сходство или противоположность) [16, 494].

Эта же идея о первоначальной соотнесённости сравнения с метафорой “печати”, характерной для восприятия “человеком древности” отношения между субъектом и воспринимаемым им объектом, развивалась в ряде гораздо более поздних работ по метафоре [14, 78-79]. Кстати, Х. Ортега-И-Гассет замечает, что с помощью метафоры человеку удаётся составить понятие о наиболее абстрактных объектах. “Метафора удлиняет “руку интеллекта”; её роль в логике может быть уподоблена удочке или винтовке” [14, 72].

Известно, что каузальные отношения, то есть отношения, которые в лингвистике последних десятилетий трактуются через понятие событийных пропозиций, объединённых логической пропозицией [5; 8; 15], относятся к числу наиболее абстрактных, и посему роль метафоры в их языковой реализации, несомненно, весьма значительна.

В современных исследованиях по метафоре, естественно, уделяется внимание и её каузальной функции. Так, Дж. Лакофф и М. Джонсон в ряду онтологических метафор указывают “определение причин” [12, 409], а также “постановку целей и мотивировку действий” [12, 409-410], отмечая при этом узкий диапазон их использования. А. П. Чудинов, анализируя фитоморфные метафоры, пишет, что они могут символизировать и причинно-следственную обусловленность посева, ухода за растениями, сбора урожая и т. п. [22].

Между тем, насколько нам известно, метафора “Причины” как самостоятельное явление не являлась предметом исследования. Проанализированный нами материал (публицистические тексты последних десятилетий) убедительно показывает, что метафоризация возможна для всех трёх компонентов отношений обусловленности: порождающая ситуация (причина): *Русская деревня. Именно сюда чаще всего прибывает тех, кого социальная буря сорвала с насиженных мест.* (Комсомольская правда, 11 февраля 1992); порождённая ситуация (следствие): *Реформа армии буксует из-за отсутствия жилья для увольняемых* (Известия, 26 декабря 2002); причинный релятор: (об этике профессиональной деятельности журналистов): *Но проблема — то главным образом гнездится не в практике экстремального поведения нашего брата в экстремальных обстоятельствах* [Известия, 21 декабря 2002].

Умение “прочитать” метафору в публицистическом тексте открывает перед читателем возможность адекватного восприятия. Поэтому при работе с иноязычной аудиторией следует обращать внимание на такие частотные и характерные для русского языка метафоры обусловленности, как, например, метафоры родства (*отец, мать, порождение, дитя, детище* и т. д.), метафоры глубины (*корни, корениться, уходить корнями, исток, проистекать, докопаться* и т. д.).

Особого внимания заслуживает метафора “корня” как основной, подлинной и при этом скрытой причины: *Понадобились события 11 сентября 2001г., чтобы в США наконец осознали, что корни исламского терроризма и антиамериканизма лежат в нерешённости арабо-израильского конфликта* (Аргументы и факты в Украине, № 3 2003г.). См. также: *корни трагического мироощущения, корни подо-*

зрительности, *корень силы товарно-рыночной экономики* и т. п. Помимо широко распространённой именной генетивной метафоры, часто используются и глагольные: *корениться, уходить корнями*; см. также: *корень лежит в чём; корень уходит во что, уходить корнями во что*. Но эти экстремистские идеи *уходят корнями* скорее не в религию, а в политику (Известия, 5 ноября 2002 г.). Известно, что в мифологии “корень” связан не только с “мировым деревом”, но и с понятием “рода”, с “отцом” [17, 456]. Метафору “порождения” с полным основанием можно считать “базовой” метафорой обусловленности. Думается, что модель древнейшей каузальной фразы: “*что/кто рождает что/кого*”. Кстати, первая концепция причины, представленная у Аристотеля: “Вещь есть причина вещи: отец — причина ребёнка”. На основе базовой метафоры “порождения” формируются метафорические парадигмы, в которые входят метафорические реляторы причины: *породить, порождать, родители (мать, отец), зародыши (семя, зерно, почка)*: *А между тем именно идеология таких явлений, как экстремизм, ваххабизм, радикализм, порождает терроризм* (Лит. газета, 18-24 декабря 2002 г.); *Так что дефицит — отец и мать теневой экономики* (Т. Корягина. О теневой экономике) и метафорические реляторы следствия: *порождение, дитя, детище, чадо (сын, дочь), плод*: *Циклоны, Тornado, наводнения — это детища отрицательной энергии, накопленной в результате загрязнения окружающей среды и социальной напряжённости* (Аргументы и факты в Украине, № 28 2002 г.).

Весьма характерно для современного политического дискурса развитие отдельных метафор в более крупные образные сценарии [20]. Основой этого процесса представляется явление “когнитивного притяжения”: *Зачастую именно высокопоставленные или — по-современному — “раскрученные” идеологические мутанты с их логически непредсказуемыми идейными сдвигами служат бродильными дрожжами, заставляющими политическое тесто выползти из квашни* (А. Салуцкий. Литературная газета, № 50-51 2001 г.). Политическая нестабильность (следствие) представлена метафорическим выражением “тесто выползает из квашни”, расширенное эпитетом “*политическое тесто*”. Каузатorem этого явления (или причиной) являются политические деятели, также представленные метафорическим образом “*идеологические мутанты*”, при этом главная причина заключена в их качественной характеристике (их логически непредсказуемые *идейные сдвиги* — тоже метафора, сема нарушения “нормы”, “стабильности”), причинный релятор — “*бродильные дрожжи*”.

Показательно, что в ряде случаев понимание метафорической образности невозможно без обращения к прецедентным феноменам. Приведём фрагмент из статьи А. Салуцкого “Эволюция или мутация? К 30-летию статьи “Против историзма” (Литературная газета № 50-51 2002 г.). Газетный материал посвящён анализу статьи А. Н. Яковлева и причин, обусловивших её появление. “*Как ни парадоксально это сегодня звучит, Александр Яковлев по природе своей “буревестник”, ищущий бурю и сеющий бурю, пассионарная личность, которой претит общественное спокойствие (...). Как типичный представитель элиты КПСС он привык действовать не по законам, не по понятиям, а по личным усмотрениям, игнорируя общепринятые нормы. Пишу это не в укор, а с пониманием. Таков*

человек — яркий, незаурядный, *ищущий бури и сеющий бурю*. Другое дело, что *обстоятельства вынесли его на гребень эпохи, а потому его личные качества повлияли на судьбу страны* (...) Яковлев в то время не удержался от соблазна *взорвать* начинавшую успокаиваться литературно-общественную среду, не думая ни о последствиях для этой среды и для себя лично, ни о “последствиях лет времён”. Прецедентными для этого фрагмента являются разнообразные культурные феномены: библейское выражение “Сеющий ветер пожнёт бурю”, “Песня о Буревестнике” М. Горького и последующее именование её автора “Буревестником революции”, теория Л. Гумилёва о “пассионарных этносах”, фразеологическое выражение “на гребне волны” и даже криминальное аргю “действовать по понятиям”. Но всё это разнообразие источников и сквозная метафора “бури” объединены общей идеей: основным мотивом деятельности таких личностей является страсть к разрушению (“соблазн взорвать”); все общепринятые основания социальных действий (законы, общепринятые нормы, видимость правил и даже действие “по понятиям”) “героем” статьи подчеркнуто игнорируются. Рассмотрим ещё один пример. Так, рассуждая о причинах трагедии, связанной с захватом заложников в “Норд-Осте”, и о реакции некоторых представителей творческой интеллигенции на арест А. Закаева, Ю. Богомолов пишет в “Колонке обозревателя”: *Ну, предположим, так: ветви масхадовского и бенладеновского терроризмов сплелись и срослись — невозможно и поэтому глупо это отрицать, но корни-то у них разные. Имеется в виду, что чеченский терроризм более благородных кровей, чем бенладеновский и даже палестинский, что он произрастает из национально-освободительного движения* (Известия, 16 ноября 2002 г.). В приведённом фрагменте текста ситуация следствия (соединение разных террористических сил и их действия) представлена метафорическим образом переплетения и срастания ветвей, а ситуация различия причин террористических действий — метафорическим образом разных корней. Образный сценарий растущих деревьев становится основой смыслового развития текста. Но при этом образ разных причин сходных действий (террористических) самим же автором разрушается. Ю. Богомолов считает этически невозможным оправдание любого вида терроризма, независимо от его “корней”, т. е. причин.

Это, кстати, довольно редкий случай для современной публицистики, когда автор считает неуместным “доходить до корня”. В целом современный газетный текст нацелен на “вскрытие” всех тайных причин, на разоблачение. Срываются покровы и ищется подоплёка, разбираются механизмы в поисках скрытой пружины, срываются маски и открываются подлинные лица, переворачивается медаль, чтобы открылась её оборотная сторона.

Пафосу разоблачения, в целом, характерному для публицистики, соответствуют и определённые типы метафор каузальности, диапазон которых достаточно широк.

Рамки статьи позволили наиболее подробно представить метафоризацию причинно-следственных отношений. Между тем, анализ фактического материала показал, что можно говорить и о типичных метафорах, используемых для выражения целевых (*путь, свет в конце туннеля*), условных (*почва, фунда-*

мент), а также уступительных отношений (что обернулось чем): *Безработица — вот почва для фашизма* (Известия, 12 декабря 2002); [о возможных последствиях предоставления Чечне независимости]: *Юг России станет подвергаться постоянным набегам бандитов (...). Но тогда попытки России защитить свои границы, с точки зрения СБСЕ, ПАСЕ и прочих "адвокатов", обернутся обвинениями в агрессии со всеми вытекающими последствиями* (Аргументы и факты в Украине. № 46 2002 г.), ср.: *Хотя Россия захочет защитить свои границы, её обвинят в том, что...* (подробней этот материал рассматривается в нашей статье [25]).

Выводы:

1. Метафорические средства представления отношений обусловленности занимают значительное место в современном публицистическом дискурсе.
 2. Для многих публицистических текстов характерно развитие концептуальных метафор обусловленности в образные сценарии.
 3. Исследование метафоризации логических отношений открывает новые резервы как для их концептуального осмысления, так и для практики преподавания русского языка в иноязычной аудитории.
- Перспективы исследования** состоят в представлении концептосферы русского языка.

Литература

1. Амиантова Э. И., Битехтина Г. А., Всеволодова М. В., Клобукова Л. П. Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка как одна из составляющих современной лингвистической парадигмы (становление специальности "Русский язык как иностранный") // Вестник Московского университета. Серия 9. № 6. 2001. — С. 215-233.
2. Арутюнова Н. Д. Семантическая структура // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990.
3. Бацевич Ф. С. Нариси з комунікативної лінгвістики: Монографія. — Львів: Видавничий центр ЛНУ ім. Івана Франка. — 2003.
4. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). Изд. 2-е. — М.: Высшая школа, 1972.
5. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. — М.: Изд-во МГУ, 2000.
6. Всеволодова М. В., Яценко Т. А. Причинно-следственные отношения в современном русском языке. — М., Русский язык, 1988.
7. Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. — М., 1999.
8. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. — М., 1998.
9. Колесов В. В. "Жизнь происходит от слова..." — СПб.: "Златоуст", 1999.
10. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность. Человек. Сознание. Коммуникация. — М., 1998.

11. Кусько К. Проблемы лінгвістики та лінгводидактики у світлі нових наукових парадигм // Прикладна лінгвістика у ХХІ столітті: лінгводидактичні та культурологічні стратегії. Праці міжнародної наукової конференції. — Львів, 2003. — С. 34-35.
12. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём // Теория метафоры. — М.: Прогресс, 1990. — С. 387-415.
13. Маккормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры. — М.: Прогресс, 1990. — С. 355-386.
14. Ортега-И-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры. — М.: Прогресс, 1990. — С. 68-81.
15. Плаксина Г. В. Языковые параметры каузальности в русских текстах по лингвистике. Диссерт... канд. филол. н. — Днепропетровск, 1996.
16. Потебня А. А. Из записок по теории словесности. — Харьков, 1905.
17. Потебня А. А. Слово и миф. — М.: Изд. "Правда", 1989.
18. Русская грамматика. Т. 1, 2 / Под ред. Н. Ю. Шведовой. — М., 1980.
19. Селиванова Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации. — К., 2002
20. Скребцова Т. Г. Уровни метафоричности дискурса // Когнитивные сценарии коммуникации. — Симферополь, 2002. — С. 193-195.
21. Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. — М.: Высшая школа, 1989.
22. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). — Екатеринбург, 2001.
23. Якубинский Л. П. История древнерусского языка. — М. — 1953.
24. Ященко Т. А. Современные лингво-методические основы изучения причинно-следственных отношений в иноязычной аудитории // Учёные записки ТНУ им. В. И. Вернадского. Т. 15 (54) №2 : Филологические науки. — Симферополь, 2002. — С. 97-104.
25. Ященко Т. А. Лингвокогнитологический подход к изучению отношений обусловленности (в печати).

Статья поступила в редакцию 14 февраля 2004 г.

УДК 811.161.1:81'42

Л. Е. Бессонова

КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Современная лингвистика характеризуется появлением новых направлений, обусловленных интегративной тенденцией развития гуманитарных наук. Так, одним из предметов лингвистических исследований является политическая коммуникация, которая отражает существующую политическую реальность, изме-